

Дж. М. КЕЙНС

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ НАШИХ ВНУКОВ*

I

Сегодня мы переживаем острый приступ экономического пессимизма. Общим местом стали разговоры о том, что эпоха поразительного экономического прогресса, присущего XIX веку, закончилась, что быстрый рост уровня жизни вскоре замедлится — по крайней мере в Великобритании, и что в ближайшее десятилетие мы скорее всего столкнемся не с увеличением благосостояния, а с его падением.

По-моему, в основе всех этих разговоров лежит глубокое заблуждение относительно того, что с нами сейчас происходит. Мы страдаем не от «ревматизма» старой эпохи, а от болезней роста, вызванных слишком быстрыми изменениями, от трудностей перехода к новому экономическому периоду. Эффективность производства увеличивается такими темпами, что нам не удастся приспособиться к этому росту и занять высвободившихся рабочих; уровень жизни растет несколько быстрее, чем следует; мировые денежные и банковская системы пытаются удержать процентную ставку от падения, темпы которого совместимы с равновесием. И все же возникшие потери и замешательство стоили нам не более 7,5% национального дохода; мы лишились 1 шиллинга и 6 пенсов с фунта и имеем лишь 18,5 шиллингов там, где при бóльшем благоразумии могли бы иметь целый фунт; тем не менее эти 18,5 шиллингов составляют около фунта пяти- или шестилетней давности. Мы забыли о том, что реальный выпуск британской промышленности в 1929 г. был, как никогда, высоким, а чистое сальдо платежного баланса, которое можно использовать для новых иностранных инвестиций после оплаты импорта, было выше, чем у любой другой страны, в частности на 50% выше, чем соответствующее сальдо Соединенных Штатов. Предположим даже (если здесь вообще уместны сравнения), что мы вдвое сократим заработную плату, откажемся от уплаты $\frac{4}{5}$ национального долга, а полученное богатство будем хранить в виде не приносящего дохода золота, вместо того, чтобы давать его в долг под 6 и более процентов. Тогда мы

* *Keynes J. M. Economic Possibilities for our Grandchildren // Essays in Persuasion. N. Y.: W. W. Norton & Co, 1963. P. 358–373.*

будем похожи на Францию, которой сегодня многие завидуют. Но будет ли это шагом вперед?

Всемирная депрессия, парадоксальное наличие безработицы в мире, где столько потребностей, катастрофические ошибки, которые мы совершили, — все это помешало нам увидеть, что происходит в действительности, какова подоплека долгосрочных тенденций. И я предсказываю, что мы еще застанем время, когда станет очевидной ошибочность нынешнего пессимизма (так широко овладевшего сегодня умами) в обоих его проявлениях: пессимизма революционеров, согласно утверждениям которых все настолько плохо, что спасти нас могут только насильственные изменения, и пессимизма реакционеров, которым баланс нашей экономической и социальной жизни кажется слишком хрупким, чтобы идти на рискованные эксперименты.

Однако при подготовке этого эссе я не задавался целью обсуждать настоящее или даже ближайшее будущее, а хотел подняться над текущим моментом и бросить взгляд в будущее отдаленное. Какой уровень хозяйственной жизни имеет смысл ожидать через сто лет? Какие экономические возможности будут у наших внуков?

С древнейших времен, о которых сохранились письменные свидетельства, скажем с 2000 г. до н. э., и до начала XVIII в. уровень жизни среднего жителя в центрах цивилизации значительно не изменялся. Конечно, были некоторые подъемы и спады. Временами — чума, голод или войны. Временами наступал «золотой век». Но никаких резких и прогрессивных изменений не было. Некоторые периоды, возможно, были на 50% лучше, чем остальные, в крайнем случае — на 100% лучше, и так на протяжении почти четырех тысячелетий, закончившихся, скажем, в 1700 г.

Столь медленный темп роста или даже отсутствие прогресса были вызваны двумя причинами: нехваткой важных технических новшеств и неспособностью накапливать капитал.

Особенно удивительно отсутствие серьезных технических изобретений в период между доисторической эпохой и сравнительно недавним прошлым. Почти все, что действительно важно и чем человек владел в начале современной эпохи, было известно ему еще на заре истории. Язык, огонь, домашние животные, которых мы держим и теперь, пшеница, ячмень, вино и оливки, плуг, колесо, весло, парус, кожа, холст и сукно, кирпичи и горшки, золото и серебро, медь, олово, свинец и железо вошли в этот список еще до 1000 г. до н. э. Сведения о том, когда впервые возникли банковское дело, искусство управления государством, математика, астрономия и религия, — отсутствуют.

Какая-то эпоха до начала человеческой истории (возможно, один из спокойных моментов перед последним ледниковым периодом), должно быть, являла собой картину прогресса, схожую с современной. Но на протяжении большей части письменной истории такого практически не наблюдается.

Началась современная эпоха; мне думается, что она началась вместе с накоплением капитала в XVI в. Я полагаю (по причинам, изложение которых заняло бы слишком много места), что изначальными факторами послужили рост цен и спровоцированный им рост

прибылей. В свою очередь эти факторы были вызваны появлением золота и серебра, которое испанцы привезли из Нового Света в Старый. С этого времени дремлющая сила накопления по сложному проценту пробудилась и вернула себе былую мощь, которую сохраняет вплоть до наших дней. А сила накопления, с которой действовал сложный процент в течение двух столетий, поражает воображение.

В качестве иллюстрации можно привести одну рассчитанную мной сумму. Стоимость иностранных инвестиций Великобритании сегодня составляет приблизительно 4 млрд фунтов. Они дают нам ежегодный доход около 6,5%. Половину этого дохода мы везем домой, а другую половину, 3,25%, реинвестируем за границей по формуле сложного процента. Нечто подобное происходит уже 250 лет.

Первыми иностранными инвестициями Великобритании можно считать сокровища, украденные Дрейком у испанцев в 1580 г. Тогда он вернулся в Англию на своей «Золотой лани» с огромной добычей. В консорциуме, который финансировал экспедицию, значительная доля принадлежала королеве Елизавете. Из этой доли она выплатила весь внешний долг Англии, покрыла бюджетный дефицит, и у нее еще осталось 40 тыс. фунтов. Их она вложила в Левантийскую компанию — и весьма успешно. На деньги, принесенные Левантийской компанией, была основана Ост-Индская компания; прибыли от этого великого предприятия легли в основу дальнейших английских иностранных инвестиций. Получается, что 40 тыс. фунтов, которые накапливаются с темпом 3,25%, сопоставимы с объемами иностранных инвестиций Англии в различные периоды и к настоящему времени составили бы те самые 4 млрд фунтов, о которых я уже упоминал, говоря о реальном объеме иностранных инвестиций Великобритании сегодня. Таким образом, каждый фунт, который Дрейк привез в Англию в 1580 г., превратился сегодня в 100 тыс. фунтов. Такова мощь сложного процента!

Начиная с XVI в. и в нарастающем темпе крещендо с XVIII в. вступает в свои права великая эпоха науки и технических изобретений. Она окончательно сформировалась в начале XIX в.: уголь, пар, электричество, бензин, сталь, резина, хлопок, химическая промышленность, механизация и средства массового производства, радиосвязь, печать, Ньютон, Дарвин, Эйнштейн и еще тысячи людей и вещей, слишком известных, чтобы их перечислять.

А что в результате? Несмотря на громадный рост мирового населения, которое необходимо обеспечивать домами, машинами и прочим, средний уровень жизни в Европе и Соединенных Штатах вырос, я думаю, примерно в четыре раза. Объем капитала увеличился в масштабах, более чем в 100 раз превысивших масштабы всех предшествующих эпох. Причем в настоящее время мы можем не опасаться столь же значительного роста населения.

Если капитал будет увеличиваться со скоростью, скажем, 2% в год, то объем капитального оборудования во всем мире за 20 лет удвоится, а за 100 лет вырастет в 7,5 раза. Это можно рассматривать и как рост количества материальных благ — жилья, средств транспорта и т. п.

В то же время скорость внедрения технических усовершенствований в производстве и транспорте за последнее десятилетие настолько высока, что не имеет исторических прецедентов. В Соединенных Штатах промышленный выпуск на одного рабочего в 1925 г. был на 40% выше, чем в 1919 г. В Европе нас задерживают временные трудности, но даже там очевидно, что ежегодно техническая эффективность растет более чем на 1% (по сложному проценту). Имеются основания полагать, что революционные технические изменения, которые пока затрагивали в основном промышленность, вскоре коснутся и сельского хозяйства. Мы стоим на пороге коренных сдвигов в эффективности пищевой промышленности, подобных тем, что уже произошли в транспорте, добывающей и обрабатывающей промышленности. Всего через несколько лет — мы еще доживем до этого — для функционирования всех отраслей сельского хозяйства, добывающей и обрабатывающей промышленности нам потребуется в четыре раза меньше человеческих усилий.

Сейчас сама скорость происходящих изменений становится болезненной и ставит перед нами трудные проблемы. Мы находимся в худшем положении по сравнению со странами, не стоящими на переднем крае прогресса. Нас одолевает болезнь, о которой отдельные читатели, возможно, еще не слышали, но которую в ближайшие годы будут много обсуждать, — *технологическая безработица*. Она возникает потому, что скорость, с которой мы открываем трудосберегающие технологии, превосходит нашу способность находить новое применение высвобожденному труду.

Но это всего лишь временная болезненная фаза адаптации. В долгосрочном периоде *человечество решит свою экономическую проблему*. Я предсказываю, что уровень жизни в развитых странах через 100 лет возрастет в 4–8 раз по сравнению с нынешним. И в этом нет ничего удивительного, даже учитывая то, что нам известно сегодня. Мало того, правомерно предположить возможность еще более высоких темпов развития.

II

Допустим для наглядности, что через 100 лет мы все в среднем улучшим свое экономическое положение в восемь раз. Нет никаких сомнений, что это вполне возможно.

Да, верно, что человеческие потребности могут показаться ненасыщаемыми. Но их можно разделить на два класса: абсолютные, испытываемые нами независимо от происходящего с остальными людьми, и те, которые мы ощущаем, только если их удовлетворение поднимает нас над остальными, дает почувствовать свое превосходство (их можно назвать относительными). Потребности второго класса, обусловленные нашим желанием превосходить других, могут быть ненасыщаемыми: чем выше общий уровень, тем они интенсивнее. Но это не так для абсолютных потребностей: скоро — видимо, намного скорее, чем можно было бы себе представить, — мы сумеем достигнуть точки, когда

эти потребности будут удовлетворены, а освободившуюся энергию мы предпочтем посвятить неэкономическим целям.

Перейду к своему выводу, который, я уверен, будет казаться вам все более и более поразительным, чем больше вы будете думать о нем.

Я утверждаю, что при отсутствии больших войн и значительного роста населения *экономическая проблема* будет решена, или по крайней мере близка к решению, в течение ближайших 100 лет. Это означает, что экономическая проблема не является — если мы бросим взгляд в *будущее* — неотъемлемой проблемой человечества.

Кажется, в этом нет ничего особенно поразительного. Однако если вместо будущего мы заглянем в прошлое, то увидим, что экономическая проблема, борьба за существование до настоящего времени была основной, самой насущной проблемой человечества — и не только человечества, но и всего живого, вплоть до начальных, простейших форм жизни.

Таким образом, мы определенно были избраны природой — со всеми нашими бессознательными порывами и глубочайшими инстинктами — для решения экономической проблемы. Если она будет решена, человечество избавится от своей традиционной задачи.

Станет ли от этого лучше? Если мы вообще верим в реальную ценность человеческой жизни, то описанная перспектива предполагает, по меньшей мере, возможность улучшения. Но я с ужасом думаю о привычках и инстинктах, которые вырабатывались у обычных людей на протяжении многих поколений и от которых им, возможно, всего за несколько десятилетий придется отказаться.

Говоря современным языком, стоит ли нам ожидать всеобщего «нервного расстройства»? Такая болезнь иногда наблюдается и сегодня — нервные расстройства широко распространены в Англии и Соединенных Штатах среди жен представителей состоятельных классов, которые по причине своего богатства лишены возможности заниматься привычными делами. Уборку, шитье и приготовление пищи в отсутствие экономической необходимости они развлечениями не считают, но никакого другого более увлекательного занятия найти не могут.

Те, кто вынужден каждый день проливать пот ради куска хлеба, больше всего жаждут отдыха, но пока не получают его.

Известна эпитафия, которую сочинила себе одна старая поденщица:

Не плачьте по мне, друзья и подруги,
Теперь пребываю я в вечном досуге.

Таким представлялся ей рай. Как и многие другие, кому не хватало свободного времени, она грезила о том, как прекрасно слушать музыку; другое двустишие в ее стихотворении гласит:

Псалмы и молитвы поют там повсюду,
Но только я петь не хочу и не буду.

Между тем сколько-нибудь сносной жизнь будет только у тех, кто хоть как-то поет, а ведь мало кто из нас умеет петь!

Впервые со дня сотворения человек столкнется с реальной, всеобщей проблемой: как использовать свою свободу от насущных экономических нужд, чем занять досуг, обеспеченный силами науки и сложного процента, чтобы прожить свою жизнь правильно, разумно и в согласии с самим собой?

Иные энергичные и целеустремленные дельцы могут даже увлечь нас за собой в объятия экономического изобилия. Но только те, кто выживет, не продается за средства существования и сохранит, доведя до совершенства, искусство жизни как таковое, смогут воспользоваться изобилием, когда оно наступит.

Но пока нет, кажется, ни одной страны или народа, которые могли бы без содрогания думать о будущем веке праздности и изобилия. Мы слишком долго учились бороться и стремиться, а не наслаждаться плодами борьбы. Для обычного человека, не обладающего особыми способностями, найти себе занятие крайне сложно, особенно если у него уже нет опоры в почве, обычаях или милых сердцу условиях традиционного общества. Если судить по поведению и свершениям представителей богатых классов в любой части света, наши перспективы кажутся весьма удручающими! Потому что они составляют наш передовой отряд, авангард, который разведывает землю обетованную и разбивает там лагерь. Потому что им — тем, кто имеет доход, не связанный ни с какими должностями или обязанностями, — с моей точки зрения, не удалось справиться с поставленной перед ними задачей.

Я уверен, что, имея немного больше опыта, мы сможем использовать вновь обретенный дар природы более разумно, чем сегодняшние богачи, и планировать свою жизнь совсем не так, как они. На протяжении многих грядущих веков ветхий Адам внутри нас будет настолько силен, что для получения удовольствия каждому из нас придется хоть немного работать. Мы будем делать для себя больше, чем нынешние богачи, радуясь небольшим обязанностям и рутинным занятиям. Но помимо этого нам придется как можно тоньше размазывать хлеб по маслу, чтобы работа, которую все еще необходимо выполнять, была распределена среди максимального числа людей. Отложить проблему на довольно долгий срок могут 3-часовая смена или 15-часовая рабочая неделя, поскольку трех часов в день достаточно, чтобы ветхий Адам в каждом из нас был вполне удовлетворен!

Следует ожидать перемен и в других сферах. Когда накопление богатства перестанет считаться одной из основных задач общества, изменятся многие нормы морали. Мы сможем избавиться от терзающих нас уже две сотни лет псевдоморальных принципов, из-за которых наиболее отвратительные черты человеческого характера были возведены в ранг высочайших добродетелей. Мы позволим себе осмелиться и установим истинную ценность стяжательства. Страсть к обладанию деньгами — в отличие от уважения к деньгам как средству достижения жизненных удовольствий и ценностей — будет считаться тем, чем она является на самом деле, — постыдным заболеванием, одной из тех полупреступных, полупатологических наклонностей, вид которых пугает и заставляет обращаться к специалистам по психическим расстройствам. Мы, наконец, сможем избавиться от всех разновидностей общественных обычаев

и экономических практик, относящихся к распределению богатства и экономических выгод, которые мы поддерживаем сейчас любой ценой (сколь бы неприглядными и несправедливыми они ни были) только потому, что они способствуют накоплению капитала.

Конечно, останется множество людей, которых неуемная жажда деятельности и целеустремленность будут заставлять бессознательно алкать увеличения своего материального богатства, пока они не найдут для себя удовлетворительной замены. Но остальные больше не будут обязаны одобрять и поддерживать их действия, поскольку мы внимательнее, чем это возможно сегодня, будем присматриваться к подобной «целеустремленности», которой каждый из нас в разной степени наделен от природы. Ведь целеустремленность означает, что мы в большей степени озабочены отдаленными результатами наших действий, нежели самими действиями или их непосредственным влиянием на окружающий нас мир. Целеустремленный человек постоянно пытается добиться обманчивого и недостижимого бессмертия для своего дела, отодвигая выгоды для себя на потом. Он любит не свою кошку, а ее котят; нет, на самом деле не котят, а котят котят и так далее до самого конца кошачьего рода. Варенье для него не варенье, если оно не завтрашнее варенье, сегодняшнее ему не нужно. Отодвигая свое варенье в будущее, он хочет, приготавливая варенье, обессмертить свое дело.

Вспомним Профессора из «Сильвии и Бруно»¹:

— Я всего лишь портной, сударь; у меня для вас небольшой счетец, — послышался из-за дверей кроткий голос.

— А, хорошо, я сейчас быстренько разберусь с ним, — сказал Профессор детям, — если вы подождете минутку. Ну, сколько там у вас в этом году, любезный? — обратился он к портному, который в это время входил в вестибюль.

— Извольте видеть, за этот год счет стал вдвое большим, — неприветливо ответил портной, — и я хотел бы получить деньги немедленно. Всего с вас две тысячи фунтов!

— О, ерунда какая! — беспечно откликнулся Профессор, копаясь у себя в кармане, как будто бы что-то, а такую сумму он всегда имел при себе. — Но не желаете ли подождать еще годик, чтобы стало четыре тысячи? Рассудите-ка, насколько вы станете богаче! Вы сможете даже сделаться Королем, если вам этого захочется!

— Ну, Королем я, положим, не собираюсь, — задумчиво проговорил портной, — только это и вправду будет знатная куча денег! Что ж, я бы, пожалуй, и подождал...

— Ну конечно! — сказал Профессор. — Вы, как я вижу, обладаете здравым смыслом. Прощайте же, любезный!

— А вы заплатите ему эти четыре тысячи фунтов? — спросила Сильвия, когда кредитор закрыл за собой дверь.

— Никогда, дитя мое! — весело ответил Профессор. — Он будет удваивать свой счет до самой смерти. Это очень мудро — всякий раз ждать еще год, чтобы получить вдвое большую сумму денег.

Быть может, не случайно, что народ, больше всего сделавший, чтобы привнести в основу и существо наших религий обещание бессмертия, внес наибольший вклад и в разработку принципа сложного процента и отличается особым пристрастием к этому наиболее «целеустремленному» из всех человеческих институтов.

¹ Пер. с англ. А. Москотельникова.

Поэтому мне кажется, что мы сумеем вернуться к некоторым наиболее ясным и недвусмысленным принципам религии и традиционной добродетели: что алчность — грех, что давать деньги в рост преступно, а любовь к деньгам отвратительна, что увереннее всех вступает на тропу мудрости и добродетели тот, чьи помыслы меньше всего направлены на завтрашний день. Цели мы вновь поставим выше средств, а хорошее предпочтем полезному. Мы по достоинству оценим тех, кто научит нас, как прожить каждый день и час разумно и добродетельно, тех прекрасных людей, способных радоваться простым вещам, лилиям, которые не трудятся и не прядут².

Но будьте осторожны! Время для всего этого еще не пришло. На протяжении ближайших 100 лет себя и окружающих мы будем убеждать в том, что белое — это черное, а черное — белое; поскольку черное полезно, а белое — нет. Алчность, ростовщичество и предусмотрительность еще некоторое время будут нашими богами. Только они способны вывести нас из туннеля экономической необходимости к свету дня.

Таким образом, я ожидаю в не очень отдаленном будущем величайшую в истории трансформацию глобальных материальных условий человеческого существования. Конечно, она будет происходить постепенно. На самом деле она уже началась. В дальнейшем просто будет возникать все больше сословий, классов и групп, для которых проблема экономической необходимости практически перестанет существовать. Мы ощутим эти изменения условий в полной мере лишь тогда, когда в глобальном масштабе изменится природа наших обязанностей по отношению к ближнему. Ведь если экономическая целеустремленность потеряет смысл в отношении к самому себе, это еще не значит, что она потеряет смысл в отношении ко всем остальным.

Скорость, с которой мы достигнем экономического блаженства, будет зависеть от четырех факторов: нашей способности контролировать численность населения, нашей решительности предотвратить войны и гражданские потрясения, нашей готовности отдать на откуп науке вопросы, которые должны быть предметом ее забот, и скорости накопления, обусловленной разностью между производством и потреблением. Последний фактор будет контролировать себя сам, если мы станем следить за первыми тремя.

Одновременно не будет большого вреда в том, чтобы наряду с целеустремленностью поощрять и искусство жизни, экспериментировать с ним, постепенно готовясь встретить нашу общую судьбу.

Но главное: не надо переоценивать важность экономической проблемы и приносить в жертву предполагаемой экономической необходимости другие, более значимые вещи. Это должно быть делом специалистов, как стоматология. Как было бы прекрасно, если бы экономисты заставили думать о себе, как о дантистах — скромных, честных мастерах своего дела!

Перевод с английского Д. Шестакова

² Посмотрите на лилии, как они растут: не трудятся, не прядут; но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них (Лк. 12:27). — *Примеч. пер.*

Возможности, которые мы упустили

Статья Кейнса «Экономические возможности наших внуков» публикуется на русском языке впервые. Представленные в ней идеи заставляют экономистов обращаться к ней вновь и вновь: к недавнему 75-летию юбилею статьи было приурочено издание целого сборника «Возвращаясь к Кейнсу»¹, среди 17 авторов которого пять нобелевских лауреатов.

Свою статью Кейнс писал в беспокойное время. С первой версией содержащихся в ней идей он выступил в начале 1928 г. перед студентами Кембриджа и Винчестера. В 1930 г. прочитал статью в качестве лекции в Мадриде, добавив несколько замечаний относительно Великой депрессии. Окончательная версия была опубликована в книге «Опыты во убеждение» (1931 г.)

О чем эта статья? Когда говорят о Кейнсе, обычно вспоминают его высказывание из вышедшего в 1923 г. «Трактата о денежной реформе»: в долгосрочном периоде мы все мертвы. Таким образом, складывается впечатление, что Кейнс был поглощен сиюминутными задачами и не способен понять проблемы долгосрочного характера, к каковым обычно относят тематику экономического роста². Тем не менее в предлагаемой сегодня вниманию читателей небольшой статье Кейнс выражает несколько нетривиальных для того времени идей, в частности о факторах экономического роста (накоплении капитала и техническом прогрессе) и уровне благосостояния, которого можно ожидать через 100 лет (в 4 или даже в 8 раз выше). Наконец, Кейнс высказывает предположение о том, какими будут ценности в обществе через 100 лет.

Конечно, взгляды Кейнса на идеальное общество сформировались под воздействием его специфического интеллектуального окружения, а в таком обществе захочет жить далеко не каждый. Авторы упомянутого сборника пытаются ответить на вопрос, поставленный редакторами во вступительной статье: «Как Кейнс с его интеллектом и глубоким пониманием экономики и общества смог настолько точно предсказать будущие темпы экономического роста и повышения уровня жизни и вместе с тем так ошибаться в предсказании будущих тенденций развития труда и досуга, потребления и сбережений?»³.

Где ошибся Кейнс? Почему, несмотря на растущий уровень жизни, мы по-прежнему вынуждены в поте лица добывать хлеб насущный? В США сегодня работают примерно столько же, сколько во времена Кейнса, в Европе — чуть меньше, но все равно не три часа в день. Возможно, Кейнс недооценивал удовольствие, которое приносит работа. Это может быть удовольствие как от творческого созидания, так и от простого общения с коллегами по работе.

Другой причиной можно считать неравномерное распределение дохода. Это объясняет, почему мы по-прежнему много работаем в погоне «за Джонсами», которые становятся все богаче. Престижное потребление влияет на «относительные потребности», которые, по Кейнсу, не должны играть существенной роли.

Истоки подобной уверенности надо искать в вышедшей незадолго до работы Кейнса статье «Математическая теория накопления» Ф. Рамсея, где автор пытался ответить на один из важнейших макроэкономических вопросов: какую часть своего дохода нация должна потреблять, а какую сберегать? До какого предела вообще разумно накапливать капитал? Рамсей считал, что «удовольствие» как результат экономического роста не может увеличиваться до

¹ Revisiting Keynes: Economic Possibilities for Our Grandchildren / L. Pecchi., G. Piga (eds.). Cambridge, MA; L.: MIT Press, 2008.

² См.: Rothbard M. Keynes, the Man // Dissent on Keynes: A Critical Appraisal of Keynesian Economics / M. Skousen (ed.). N. Y.: Praeger, 1992. P. 171–198.

³ Revisiting Keynes... P. 3.

бесконечности, ибо «экономические факторы сами по себе могут дать нам лишь некоторый конечный уровень удовольствия»⁴. Каждому уровню капитала мы можем поставить в соответствие уровень «удовольствия», и по мере накопления капитала этот уровень приблизится к пределу, который Рамсей называл точкой «блаженства» (bliss). Кейнс разделяет идеи Рамсея и заимствует у него понятие «блаженства», описывая грядущее состояние общества, где работать придется исключительно для самоуспокоения. Он некритически заимствует у Рамсея понятие «абсолютных» потребностей, противопоставляя им относительные. Однако подобная классификация сомнительна. Прежде всего, не очень понятно, как различные потребности находят воплощение в конкретных благах. Философ Ж. Бодрийяр начинает свою работу «К критике политической экономии знака» с утверждения, что в современном обществе все вещи имеют двойную ценность: «Они, с одной стороны, должны означать, то есть наделять социальным смыслом, престижем... а с другой стороны... подчиняться весьма устойчивому консенсусу демократической морали усилия, дела и заслуги»⁵. Нельзя выделить некую физическую составляющую, удовлетворяющую «истинные» потребности, и противопоставить им потребности, «навязанные обществом».

Кейнс ничего не говорит нам о соотношении потребностей разного типа. Между тем есть основания предполагать, что доля относительных потребностей за последние 80 лет значительно возросла. Дж. Стиглиц показывает⁶, что если полезность индивида зависит только от потребления остальных (радикальная версия вебленовской модели), то увеличение заработной платы никак не скажется на оптимальном для агента количестве досуга. Еще более интересен в комментариях Стиглица результат, полученный при допущении об эндогенности предпочтений. Предположим, два человека работают в офисе, а дома слушают музыку. Один работает чуть больше, другой — чуть меньше. У того, который работает больше, работа начинает получаться лучше, а тот, кто больше слушал музыку, начинает лучше в ней разбираться и получать больше удовольствия от прослушивания. Через несколько лет мы получим двух разных людей — трудоголика и меломана. Может быть, реклама и глянцевого журналы навязывают нам стандарты потребления, из-за которых мы превращаемся в «консьюмтариат»? Этот вопрос Стиглиц оставляет социологам.

Несмотря на несбывшиеся предсказания в социологической части статьи, экономические прогнозы в целом сбылись. И если социально-философские взгляды Кейнса-футуролога представляют интерес скорее для исследователей⁷, то рассуждения Кейнса об экономическом росте остаются примером чуткой интуиции, полученной без использования формальных методов.

Сегодня, когда мы переживаем худший кризис со времен Великой депрессии, как и 80 лет назад, звучат заявления о внутренней нестабильности капитализма, о том, что кризис положит этой системе конец, и т. п. Возможно, именно во время кризиса полезно подумать о том, что обещают нам долгосрочные тренды, каким будет благосостояние человечества еще через 100 лет и какие экономические возможности появятся уже у *наших* внуков.

Д. Шестаков

⁴ Ramsey F. P. A Mathematical Theory of Saving // The Economic Journal. 1928. Vol. 38, No 152. P. 545.

⁵ Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. М.: Академический проект, 2007. С. 17–18.

⁶ Stiglitz J. Toward a General Theory of Consumerism: Reflections on Keynes's Economic Possibilities for our Grandchildren // Revisiting Keynes... P. 64.

⁷ Baldwin T. Keynes and Ethics // The Cambridge Companion to Keynes / R. E. Backhouse (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 237–256.